Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

М. Малицкий

Собственные имена у древних евреев и их религиозно-историческое значение

Опубликовано:
Христианское чтение. 1882. № 3-4. С. 284-308.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru), 2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

Собственныя имена у древнихъ евреевъ и ихъ религіозно-историческое значеніе.

Человѣкъ ни къ чему не относится такъ безучастно, какъ къ выбору своего собственнаго имени; въ безконечномъ большинствѣ случаевъ послѣднее дается безъ его вѣдома, такъ что съ его стороны не сопровождается даже простымъ актомъ сознанія. Однако право человѣческой собственности ни на что не простирается съ такою неприкосновенностію и постоянствомъ, какъ на его собственное имя. Противъ этого едва ли найдется возраженіе. Никакая собственность не связана съ человѣкомъ узами такого неразрывнаго союза и ничто не слѣдуетъ за нимъ такъ постоянно и неизмѣнно, какъ его личное имя. Въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ на новаго представителя человѣчества: лишь только забьется пульсъ его жизни, прежде чѣмъ первый лучъ сознанія освѣтитъ его бытіе, онъ даетъ уже знать о своемъ имени и только о немъ одномъ, потому что у него ничего нѣтъ, послѣ его бытія, кромѣ имени. Послѣднее, такимъ образомъ, отмѣчаетъ самый первый моментъ существованія новаго субъекта и общенія его съ человѣческимъ обществомъ. И съ этого момента оно становится неразлучнымъ спутникомъ человѣка на всемъ пути его земной жизни, даже мало этого: оно живетъ и по смерти человѣка въ памяти его потомковъ, какъ звуковое выраженіе его личности, такъ что становится неотъемлемою собственностію человѣка не только отъ колыбели и до гроба, но и за гробомъ; словомъ, дѣлается его безсмертною собственностію. Данное съ самыхъ первыхъ минутъ человѣческаго существованія и поставленное въ такую тѣсную связь съ субъектомъ, это имя ста-

новится впереди всѣхъ будущихъ правъ человѣка на дальнѣйшую его собственность; служитъ какъ бы свидѣтельствомъ и полномочіемъ на эти права со стороны общества,—свидѣтельствомъ, что новый членъ человѣческой семьи есть индивидуумъ, который въ своей жизни не долженъ обезличиваться въ общей массѣ, подобно тому, какъ это бываетъ въ стадѣ существъ неразумныхъ. Правда, человѣкъ даетъ имена и животнымъ, но эти имена имѣютъ отношеніе только къ самому дающему, самый предметъ получающій имя не соединяетъ никакого значенія съ своимъ именемъ. Если мы можемъ сравнивать имя человѣка съ именемъ какого либо другаго живаго существа или неодушевленнаго предмета, то только съ той стороны, что въ основѣ того и другаго имени лежитъ фактъ человѣческаго самосознанія, которое ищетъ для себя выхода въ обособленіи себя отъ всего внѣшняго; но, какъ въ послѣднемъ случаѣ человѣкъ ничего другаго не выражаетъ именемъ, кромѣ стремленія къ обособленію и неразрывно съ этимъ болѣе удобному познанію предметовъ и сохраненію ихъ въ памяти, такъ въ первомъ въ связи съ этимъ стремленіемъ ставитъ рядомъ съ собою такое же существо, какъ и онъ самъ, съ такою же потребностію индивидуальнаго бытія. Мы рѣшительно утверждаемъ: если бы даже человѣкъ при своемъ рожденіи и не получалъ себѣ имени, то въ силу присущаго ему самосознанія онъ, какъ каждому изъ окружающихъ предметовъ, такъ и себѣ самому создалъ бы имя. Отсюда само собою слѣдуетъ заключеніе, что собственныя имена людей, какъ и вообще имена, восходятъ своимъ появленіемъ къ самому началу человѣческаго рода. Таковъ уже фактъ человѣческаго самосознанія: лишь только становится человѣкъ лицемъ къ лицу съ міромъ и подобнымъ ему человѣкомъ, онъ сознаетъ необходимость отличить себя отъ всего того, что не онъ самъ, не только отъ природы, но и отъ другаго человѣка. Въ этомъ случаѣ онъ создаетъ имена всему, что различаетъ около себя. Поэтому послѣднія являются вмѣстѣ съ первымъ человѣкомъ. Посмотримъ во вторую главу книги Бытія. Первымъ дѣломъ первозданнаго человѣка, послѣ того какъ онъ осмотрѣлся на міръ Божій, было нареченіе животныхъ. Хотя при этомъ не говорится о томъ, чтобы Адамъ

далъ себѣ самому имя, но его именемъ служитъ уже сознаніе, что между животными нѣтъ подобнаго ему, а съ другой стороны ему не было нужды произносить свое имя или говорить о немъ, когда не могло быть къ нему обращенія со стороны подобныхъ ему существъ. Далѣе, первая встрѣча съ женой со стороны Адама начинается тѣмъ, что онъ даетъ послѣдней имя, въ которомъ противопоставляетъ ее себѣ, какъ мужу. Дѣти перваго супружескаго союза при самомъ рожденіи получаютъ имена. Такое нареченіе именъ у людей проходитъ далѣе чрезъ всю исторію человѣчества. Всякій человѣкъ мыслится не просто только какъ человѣкъ, т. е. носящій на себѣ признаки рода, но какъ человѣкъ опредѣленный, имѣющій въ себѣ признаки индивидуальнаго бытія и какъ такой носитъ извѣстное имя. Другими словами, имя дѣлаетъ человѣка опредѣленною личностію въ средѣ многихъ другихъ такихъ же личностей. Поэтому, собственное имя человѣка называется вмѣстѣ и личнымъ именемъ.

Такое отношеніе собственнаго имени къ лицу, носящему это имя, должно привести къ мысли, что между лицомъ и обозначающимъ его именемъ должна существовать очень тѣсная, — внутренняя связь. Однако въ настоящее время мы напрасно бы стали искать здѣсь такой связи. Если она и существуетъ, то весьма рѣдко. Въ большинствѣ же случаевъ, или вѣрнѣе почти всегда, связь между лицомъ и именемъ только условная, механическая, заученная. У всѣхъ извѣстныхъ намъ народовъ въ настоящее время существуютъ большія коллекціи собственныхъ именъ, прославленныхъ въ исторіи или просто сложившихся въ періоды предшествующей исторической жизни. Этими именами, какъ готовой сокровищницей, собранной вѣками, и пользуются новые члены человѣческой семьи. При этомъ нареченіе имени мотивируется или пріятностію звуковаго произношенія имени, или уваженіемъ къ извѣстному историческому лицу, или желаніемъ особеннаго покровительства новорожденному со стороны извѣстнаго святаго, какъ иногда встрѣчается это у насъ. Все это конечно весьма мало имѣетъ отношенія къ особенности самаго лица, которое получаетъ имя. Послѣднее переносится на человѣка съ другаго лица.

Но такая условная связь имени съ лицомъ, получающимъ имя, можетъ имѣть мѣсто только въ позднѣйшее сравнительно время исторіи каждаго народа, когда послѣдній можетъ располагать готовымъ запасомъ именъ. Въ это время нѣтъ нужды создавать новыя собственныя имена. Этого не позволяетъ и память объ именахъ прославленныхъ въ исторіи каждой части человѣчества. Они становятся дорогими для каждаго потомка. Но въ то время, когда имена, извѣстныя теперь, только еще создавались, нареченіе ихъ не могло быть дѣломъ такого произвола, какъ въ настоящее время, и связь между лицомъ и именемъ не могла быть такою условною и механическою. Механическая связь является только тамъ, гдѣ нельзя усмотрѣть внутренней связи между фактами, явленіями, или словами, гдѣ почему бы то ни было выпадаетъ посредствующее звѣно. Такимъ образомъ она всегда имѣетъ дѣло съ готовымъ матеріаломъ. Механически можно заучивать, ставить рядомъ предметы, слова, но не создавать ихъ (разумѣется мы говоримъ о томъ созданіи или творческомъ актѣ, гдѣ участвуетъ преднамѣренная дѣятельность мышленія). Это приложимо и къ именамъ, какъ вообще, такъ въ частности и къ именамъ личнымъ. Мы уже указали отчасти на мысль, что нареченіе имени первоначально имѣло цѣлію обозначить предметъ въ его различіи отъ другихъ. Вслѣдствіе этого нареченіе именъ должно было опредѣляться или особенностію самаго предмета безотносительно, или особенностію его для обозначающихъ: выраженіемъ впечатлѣнія, какое возбуждалъ предметъ и т. д. Такъ очевидно нужно понимать первое нареченіе именъ въ книгѣ Бытія II, 20; какъ обозначеніе животныхъ по открывающимся въ нихъ особенностямъ, оно приводитъ человѣка къ познанію различія между животной и человѣческой природой (человѣкъ между животными не нашелъ себѣ помощника). Также точно опредѣляется и названіе мѣстностей: частію естественною особенностію ихъ (Іерихонъ), частію особеннымъ историческимъ значеніемъ ихъ (Быт. XI, 2; XXII, 14; XXVI, 20; XXVIII, 19; XXXII, 3; Исх. XVII, 7; Числъ XI, 34; XXI, 3; Іис. Нав. VII, 26) и т. д. Тоже самое приложимо первоначально и къ личнымъ именамъ. Это весьма ясно выражается въ самыхъ первыхъ

именахъ человѣческихъ. Слово Адамъ, которое въ Библіи принимается и за родовое понятіе человѣка и вмѣстѣ за собственное имя, когда первый человѣкъ вступаетъ въ личныя отношенія съ членами своего семейства, указываетъ на происхожденіе человѣка изъ глины, т. е. указываетъ характеристическую особенность перваго человѣка. Первая жена называется Евой, потому что она мать всѣхъ живущихъ (т. е. людей). Это имя указываетъ на значеніе первой жены въ человѣчествѣ. Перваго сына Ева называетъ Каиномъ— „пріобрѣтеніемъ", потому что она видѣла въ немъ исполненіе той надежды, которую лелѣяла со времени перваго божественнаго обѣтованія о сѣмени жены. Имя втораго сына указываетъ на разочарованіе въ этой надеждѣ: Авель значитъ плачъ, суета. Всѣ эти имена находятъ свое объясненіе въ особенностяхъ самыхъ лицъ, къ которымъ они прилагаются; а такимъ образомъ имѣютъ существенную, а не механическую связь съ своими носителями. Тоже самое мы должны сказать и объ образованіи вообще всѣхъ собственныхъ именъ, какія только существовали и существуютъ въ человѣческомъ родѣ. Первое нареченіе ихъ всегда имѣло связь очень близкую съ самимъ лицемъ, повторяемъ, находило себѣ объясненіе или въ характеристической особенности лица, или въ обстоятельствахъ его рожденія, или въ томъ значеніи, какое пріобрѣтало оно въ глазахъ называющихъ и т. д. и т. д. Говоря это, мы выражаемъ не только логическій выводъ изъ только что указанныхъ данныхъ въ происхожденіи самыхъ первыхъ именъ, но вмѣстѣ съ этимъ имѣемъ въ виду и факты изъ послѣдующей исторіи человѣчества. Стоитъ только разобрать филологически каждое собственное имя, чтобы согласиться съ нашимъ выводомъ.

Но на этомъ только выводѣ мы не должны еще остановиться. Тотъ фактъ, что многія собственныя имена въ своемъ происхожденіи опредѣлялись особеннымъ отношеніемъ къ окружающимъ тѣхъ личностей, которымъ они давались, открываетъ намъ входъ къ болѣе широкому выводу относительно собственныхъ именъ, чѣмъ только связь ихъ съ обозначаемыми ими лицами. Если имя получаетъ первоначально свой смыслъ отъ значенія лица, отъ того впечатлѣнія, какое новый представитель человѣчества производитъ

своимъ появленіемъ на своихъ близкихъ, то самый этотъ новый членъ настолько получаетъ значеніе и настолько производитъ впечатлѣнія, насколько его появленіе связано съ интересами и вообще жизнію только извѣстной среды, извѣстнаго общества. Это рельефно уже выражается опять въ именахъ дѣтей перваго семейства: Каина и Авеля. Имена ихъ символизируютъ внутреннее состояніе именно первыхъ людей, ихъ интересы. Восходя отъ первой семьи къ жизни народовъ, мы и тамъ не можемъ нигдѣ отыскать почвы для такого рода именъ, какъ только въ жизненныхъ интересахъ каждаго народа. Въ глазахъ еврея и грека появленіе новыхъ членовъ имѣетъ очевидно не одинаковое значеніе. Каждый изъ нихъ, естественно, видитъ въ новорожденномъ члена своей собственной семьи и своего народа. Для подтвержденія этого мы укажемъ только на одинъ народъ, какъ на особенно характерный. Извѣстно, что народъ израильскій былъ попреимуществу народомъ религіознымъ. Религія составляла его душу, проникала всю его жизнь со всѣми ея нормальными проявленіями; другими словами, въ сознаніи народа и каждаго его члена религія и жизнь были сплочены неразрывною связью, одна безъ другой теряла свое специфическое значеніе. Эта исключительность еврейской народности вполнѣ отразилась и на собственныхъ именахъ ея. Мы увидимъ, что эти имена попреимуществу носятъ на себѣ религіозный характеръ. Такимъ образомъ имя каждаго индивидуума, будучи тѣсно связано съ опредѣленнымъ лицемъ, въ тоже время идетъ рука-объ-руку съ цѣлымъ народомъ: „оно получаетъ, говоря словами Рабиновича, свое происхожденіе отъ живаго языка, а значеніе отъ исторіи народа, его обычаевъ, наклонностей и домашней жизни. Древнія имена часто скрываютъ въ себѣ цѣлый рядъ происшествій, и выражаютъ иногда радость избавленія, иногда вопль отчаянія, но всегда смыслъ вѣрный своей эпохѣ“ [1]) и, добавимъ, своей исторіи. Отсюда весьма легко сдѣлать выводъ. Этотъ выводъ будетъ слѣдующій: собственныя личныя имена имѣютъ весьма важное значеніе въ знакомствѣ съ жизнію древнихъ народовъ; по нимъ мы

[1]) О собственныхъ именахъ евреевъ. Новороссійскій литературный сборникъ. Одесса, 1859 г., стр. 276.

можемъ также воспроизводить жизненныя стремленія и интересы, какъ и по другимъ историческимъ памятникамъ. По нашему мнѣнію этотъ выводъ неоспоримъ какъ съ логической стороны, такъ и фактической. Однако, выходя изъ его справедливости, мы встрѣчаемся съ довольно страннымъ явленіемъ. Собственныя имена извѣстнаго народа стоятъ ближе всего къ народу, но въ историческомъ изслѣдованіи жизни древнихъ народовъ эти имена менѣе всего обращаютъ на себя вниманія для возсозданія исторической жизни этихъ народовъ сравнительно съ другими памятниками; тѣсная связь именъ съ лицами какъ бы стушевываетъ ихъ и не даетъ рельефно выдвигаться за самыми лицами и другими памятниками. Тѣмъ не менѣе впрочемъ значеніе собственныхъ именъ, какъ историческихъ памятниковъ, сознавалось давно и съ недавняго времени особенно сознается и указывается западными учеными. Эрнестъ Ренанъ, чтобы подкрѣпить свой тезисъ о первоначальномъ монотеизмѣ всѣхъ семитовъ, обратился къ собственнымъ именамъ и подвергъ этимологическому анализу большое число финикійскихъ, древне-арабскихъ, ассирійскихъ и вавилонскихъ собственныхъ именъ[1]). Въ другомъ мѣстѣ онъ же на основаніи сравненія израильскихъ собственныхъ именъ съ такими же у другихъ народовъ приходитъ къ совершенно ложному выводу, допускающему чисто естественный процессъ образованія и развитія израильской религіи изъ основъ религіозно-семитической почвы [2]). Елеръ (Oehler) въ замѣткѣ о библейскихъ именахъ между прочимъ говоритъ слѣдующее какъ объ историческомъ значеніи собственныхъ именъ вообще, такъ въ частности объ именахъ народа израильскаго: „какъ вообще имена каждаго народа составляютъ важный памятникъ народнаго духа (Geistes) и обычаевъ, такъ въ частности имена въ народѣ израильскомъ даютъ весьма важное свидѣтельство объ особенномъ призваніи этого народа. Ни у одного народа древности мы не находимъ такъ много именъ, относящихся къ религіозной области,

---

[1]) Nouvelles considérations sur le caractère général des peuples sémitiques (Journal Asiatique 1859).

[2]) E. Renan Histoire critique et système comparé des langues semitiques. Paris. 1855.

какъ у народа израильскаго“ [1]). Этими словами Елера мы окончательно подтверждаемъ наше положеніе объ историческомъ значеніи собственныхъ именъ вообще; но вмѣстѣ съ этимъ замѣчаніе Елера вводитъ насъ и въ нашу спеціальную задачу—въ обозрѣніе собственныхъ именъ еврейскихъ.

Исторія еврейскаго народа всегда составляла одинъ изъ интереснѣйшихъ предметовъ изслѣдованія. Мы можемъ даже согласиться съ Менцелемъ, что ни одному народу не было отдано столько вниманія, какъ народу еврейскому. Этотъ авторъ „Исторіи государства и религіи Израиля и Іуды“ замѣчаетъ: „какъ незначительно число тѣхъ, которые читаютъ Геродота и Ѳукидида, Ливія и Тацита въ противоположность тѣмъ, которые, если не читаютъ, то по крайней мѣрѣ читали книги Моисея и царей“ [2]). При такомъ отношеніи вообще къ израильской исторіи не было отказано совершенно во вниманіи и собственнымъ именамъ израильскаго народа, хотя это вниманіе сравнительно незначительно. Занятіе этими именами начинается очень рано. Мы уже въ самомъ Ветхомъ Завѣтѣ находимъ многочисленныя попытки объяснить смыслъ и происхожденіе собственныхъ именъ. Эти попытки мы можемъ прослѣдить отъ книги Бытія съ первыхъ ея главъ (II, 23; III, 20) до книги Есѳирь, главная цѣль которой не только указать начало, но также разобрать и имя праздника Пуримъ (Есѳ. IX, 26. 27). Хотя прямой нашей задачи не составляетъ—входить подробно въ эти объясненія именъ, указанныхъ нами въ Ветхомъ Завѣтѣ и затѣмъ въ послѣдующую исторію ономатологіи, тѣмъ не менѣе мы считаемъ не безъинтереснымъ и вовсе не лишнимъ для полноты предлагаемаго изслѣдованія по крайней мѣрѣ въ самыхъ краткихъ чертахъ охарактеризовать три періода, на которые эта исторія сама собою распадается.

Первый періодъ обнимаетъ то время, когда съ одной стороны былъ живъ еще самъ языкъ и вмѣстѣ съ этимъ было живо стре-

---

[1]) Realencyklopädie Herzog'a 1858 г., томъ X, слово: Name, стр. 195.

[2]) «Staats—und Religionsgeschichte der Königreiche Israel und Iuda». Karl Adolf Menzel. Leipzig. Предисловіе, стр. V.

мленіе къ образованію новыхъ именъ, а съ другой стороны въ первый разъ пробудилась потребность къ знанію т. е. потребность дать себѣ отчетъ въ прошедшемъ своего народа и объяснить тѣ воспоминанія изъ древности, которыя жили въ именахъ. Этотъ періодъ занимаетъ время отъ начала священной еврейской письменности Ветхаго Завѣта до заключенія канона, такимъ образомъ обнимается священными еврейскими книгами. Въ этихъ книгахъ мы находимъ болѣе ста такихъ объясненій именъ. Большинство ихъ находится въ историческихъ книгахъ; изъ нихъ книга Бытія содержитъ къ себѣ почти половину такихъ объясненій (51). Книги царствъ изъ личныхъ именъ объясняютъ только четыре имени: Самуила (1 Ц. I, 20). Ихавода (1 Ц. IV, 21), Навала (1 Ц. XXV, 25) и Іедидіи (Соломона 2 Ц. XII, 25). Въ параллель съ историческими книгами, въ пророческихъ книгахъ встрѣчаются также нѣкоторые намеки на смыслъ и значеніе собственныхъ именъ. Для этого довольно указать на первыя главы пророковъ Осіи и Михея или на то, какъ пророки Михей и Исаія указываютъ на свои собственныя имена и находятъ утѣшеніе въ ихъ значеніи (Мих. VII, 18; Ис. VIII, 18) [1]). Во всѣхъ этихъ объясненіяхъ и намекахъ нельзя встрѣтить ничего неестественнаго, искуственнаго и натянутаго. Это и вполнѣ понятно: въ то время еще слишкомъ сильно было сознательное отношеніе къ языку. Но съ другой стороны нужно замѣтить, что нѣкоторыя изъ объясненій едвали могутъ быть оправданы съ точки зрѣнія научной филологіи. То время еще не было временемъ научнаго объясненія; всякое объясненіе имени основывалось скорѣе только на простомъ звукѣ слова безъ анализа филологическихъ оттѣнковъ и было скорѣе поясненіемъ, чѣмъ передачей точнаго значенія имени, хотя и не во всѣхъ случаяхъ. У евреевъ также мало было этимологическаго знанія, какъ и у всѣхъ народовъ древности и въ средніе вѣка, а потому о научной ономатологіи не можетъ быть рѣчи даже и во второй періодъ.

---

[1]) מִיכָה (вм. מִיכָיְהוּ, Михей) значитъ: кто подобенъ Іеговѣ; יְשַׁעְיָהוּ (Исаія): спасеніе Іеговы (Lexicon manuale Hebraicum et Chaldeicum... Гезеніуса).

Этотъ—второй періодъ, который мы можемъ назвать періодомъ аллегорическаго толкованія именъ, начинается со времени заключенія канона и начала въ собственномъ смыслѣ ученыхъ занятій Священнымъ Писаніемъ, именно съ Филона и продолжается до XVI вѣка. На сторонѣ христіанъ представителями его служатъ Оригенъ и Іеронимъ; къ нимъ примыкаетъ цѣлый рядъ церковныхъ учителей и схоластиковъ. Филонъ первый составилъ лексиконъ еврейскихъ собственныхъ именъ. Впослѣдствіи Оригенъ присоединилъ къ этому лексикону собственныя имена Новаго Завѣта, такъ что, что̀ Филонъ опустилъ, какъ іудей, Оригенъ прибавилъ, какъ христіанинъ. Наконецъ, блаженный Іеронимъ около 390 года, „возстановляя съ новой заботой старое зданіе“, какъ онъ выражается въ предисловіи къ своему трактату объ именахъ, перенесъ всё собраніе именъ съ греческаго на латинскій языкъ [1]). Филонъ имѣлъ цѣлію при объясненіи ветхозавѣтныхъ именъ не научно-филологическое объясненіе. Онъ смотритъ на имена съ философской точки зрѣнія. Поэтому, ему нужно было отыскивать въ собственныхъ именахъ такія значенія, которыя бы согласовались съ общимъ направленіемъ его философской системы. Въ каждомъ имени онъ непремѣнно находитъ выраженіе того или другаго своего философскаго представленія. Чтобы подтвердить это, мы укажемъ хотя только на одно имя, первое въ его алфавитѣ: *Ааронъ*. Въ передачѣ на нашъ языкъ это имя значитъ: горный. По толкованію Филона имя Ааронъ есть вообще символъ *слова*, такъ какъ слово возвышается какъ гора къ небесамъ. Но употребленіе этого слова различно. Оно обозначаетъ: 1) человѣческую способность рѣчи (Λόγος προφητικός). Такъ, въ Исх. IV, 14 Ааронъ встрѣчается съ Моисеемъ, потому что слово встрѣчается съ мыслію, и радуется о Моисеѣ, потому что слово радуется выражаемой мысли. Во 2-хъ, Ааронъ есть слово пророческое, парящее къ небесамъ (ὁ γεγωνὸς λόγος προφητεύων διανοίᾳ), слово, стремящееся къ свѣту истины, которое и прекращается въ этомъ свѣтѣ, почему Ааронъ умираетъ

[1]) Sancti Hieronimi Stridonensis opera omnia, tomus III, p. 195—214. Francofurti ad moenum et Lipsiae apud Christianum senschium; годъ MDCLXXXIV.

на Ὤρ (оръ. Числ. XX, 25, гдѣ הֹר употр. вм. אֹר). Въ третьихъ, Ааронъ становится: μετέωρα καὶ ὑψηλὰ φρονῶν λογισμός. Четвертое объясненіе имени совершенно уже отрѣшается отъ его этимологіи; оно примыкаетъ къ IX, 14 ст. книги Левитъ и понимаетъ Аарона въ противоположность Моисею совершенному (τέλειος), какъ несовершеннаго, развивающагося (προκόπτων) [1]). Это объясненіе, характеризующее общее направленіе Филона при толкованіи именъ, есть, какъ видимъ, только свободная игра остроумія въ интересѣ его философствованія. Тоже самое почти встрѣчаемъ мы и у учителей церкви, только у нихъ выступаетъ на первый планъ практически-назидательная цѣль, вмѣсто философской. Какое громадное вліяніе своимъ примѣромъ оказалъ Филонъ на христіанскихъ ученыхъ, показываетъ всего лучше сравненіе произведеній болѣе раннихъ церковныхъ учителей съ произведеніями Климента и Оригена. Въ то время какъ у св. Варнавы и Іустина, хотя нѣтъ недостатка въ аллегоріи, но аллегорическое толкованіе именъ можно находить только въ очень рѣдкихъ случаяхъ, это послѣднее настолько увлекаетъ Оригена, что его ономастикъ, по выраженію блаженнаго Іеронима, „bibliothecas orbis implevit“ [2]). Даже и самъ Іеронимъ, который слѣдуетъ болѣе умѣренному экзегезису, не могъ уклониться отъ этого вліянія! Онъ говоритъ: „ex verbis et interpretatione nominum saepe res ostenduntur“ (изъ словъ и толкованія именъ часто объясняются вещи) [3]). Совершенно такъ же высказывается и бл. Августинъ: [4]) „нѣтъ сомнѣнія, что еврейскія имена имѣютъ не маловажное значеніе и вспомогательное средство для разрѣшенія загадочныхъ мѣстъ въ Писаніи, если кто можетъ ихъ толковать“.

Отъ совмѣстнаго труда Филона, Оригена и Іеронима стоитъ въ зависимости весь періодъ среднихъ вѣковъ. Мартинеусъ изда-

---

[1]) Это объясненіе мы заимствовали у Зигфрида, въ сочиненіи «Philo von Alexandria». Jena 1875, стр. 192: Aaron.

[2]) Sancti Hieronimi Stridonensis opera, томъ III, стр. 195. Francof. 1684 г., изд. Tribbechovius'a.

[3]) Томъ V, comment. in Ierem. c. XXIII, стр. 269, конецъ.

[4]) Augustini hipponensis episcopi opera. Foll. 1635—1637, t. III: De doctrina christiana. Lib. II, cap. 16, стр. 13.

тель этого труда, соединеннаго въ одномъ ономастикѣ, говоритъ: „Эта книга настолько оказывала помощи екклезіастамъ, особенно писателямъ древняго времени, что они безъ нея ничего не могли говорить“ [1]). Чтобы согласиться съ этимъ, достаточно бѣглаго взгляда на экзегетическія и нравоучительныя писанія среднихъ вѣковъ. Здѣсь нельзя встрѣтить ничего новаго. Даже въ сочиненіи Беды: „interpretatio nominum hebraicorum“, которое одно стóитъ упоминанія изъ всего этого періода, не сказано болѣе, чѣмъ въ ономастикѣ Филона, Оригена и Іеронима [2]).

Новый періодъ начинается съ XVI столѣтія и открывается трудомъ кардинала Ксименеса. Этотъ издатель комплютенской полиглотты пополнилъ безъ того громадный свой трудъ прибавкой лексикона еврейскихъ собственныхъ именъ. Прибавка эта была любимою мыслію кардинала, но была составлена и обработана не имъ самимъ, а по его порученію a viris linguarum peritia praecellentibus, т. е. мужами опытными въ знаніи языковъ (какъ говоритъ по свидѣтельству Нестле прологъ къ Льву X) [3]). Насколько задуманный и выполненный при содѣйствіи кардинала трудъ былъ желательнымъ для своего времени, видно изъ того, что тоже самое съ весьма малыми измѣненіями не только было отпечатано Генрихомъ Стефаномъ и вошло съ тѣхъ поръ въ другія изданія, но что за этимъ произведеніемъ въ сравнительно короткое время, не болѣе какъ въ 50 лѣтъ, явилось по крайней мѣрѣ до десяти подобныхъ очень объемистыхъ произведеній, не упоминая многократныхъ не очень значительныхъ изданій [4]). Изъ отдѣльныхъ сочиненій здѣсь можно указать, какъ на болѣе заслуживающія вниманія на первыхъ порахъ, на „onomasticum sacrum“ [5]) Леусдена и „Onomatologia sacra“ [6]) Дитерици. Послѣднее отличается очень мѣткими замѣчаніями и какъ произведеніе своего времени заслужи-

---

[1]) Martinaeus въ отдѣлѣ: «utilitas libri hebraicorum nominum (изд Vallarschi III, 1062); заимств. въ Die israelitischen Eigennamen». Nestle, стр. 9.

[2]) Въ томъ же сочиненіи Nestle, стр. 9.

[3]) Ibidem.

[4]) Перечисленіе ихъ можно видѣть въ Appendix zu. Jo Christophori Wolfii. Historia lexicorum Hebraicorum. Vitembergae 1705, стр. 228—240.

[5]) и [6]) см. въ Die israel. Eigennamen. Nestle, стр. 10.

ваетъ преимущественнаго вниманія. Но и оно къ началу прошлаго столѣтія, какъ и другіе труды по тому же предмету, осталось совершенно въ тѣни. Причиною этого послужило явленіе на свѣтъ „סֵפֶר שְׁמוֹת sive Onomasticum sacrum“ Матѳея Гиллера [1]). Этотъ трудъ мы можемъ назвать самымъ большимъ (728 стран. съ приложеніемъ списка собственныхъ именъ) и замѣчательнымъ въ литературѣ нашего предмета. Поэтому, мы позволяемъ себѣ остановиться на характеристикѣ этого труда нѣсколько подробнѣе. Гиллеръ дѣлаетъ попытку не только дать грамматически-лексическое объясненіе собственныхъ именъ, но и хочетъ показать a quibus rebus nomina imponantur. И при этомъ онъ находитъ, что главнымъ образомъ для образованія человѣческихъ собственныхъ именъ были употребляемы божественныя имена, потому что, говоритъ онъ, у рожденныхъ отъ Еноса вошло въ обычай, какъ свидѣтельствуетъ Моисей, называться отъ имени Бога. Такъ, Магалельлъ מַהֲלַלְאֵל (Малелеилъ), внукъ Еноса—первый, который носитъ въ своемъ имени божественное имя, и гдѣ это имя не ясно произносится, тамъ его нужно дополнить. Особенно обычай соединять свои имена съ божественными былъ распространенъ, продолжаетъ онъ, у потомковъ Авраама и сыновей Израиля, частію, чтобы почтить Бога такими именами и оставить память о Его благодѣяніяхъ, частію, чтобы внести спасительное познаніе вѣчнаго Бога въ языческій народъ, такъ чтобы тѣ, которые слышали эти имена, могли изъ нихъ научиться полнѣйшему богословію (plenissimam theologiam) [2]). Въ доказательство того, какъ еврейскія собственныя имена обнимаютъ всё, чему учитъ богословіе, Гиллеръ связываетъ съ именами мужей ученіе о Богѣ съ сохраненіемъ того порядка, въ какомъ передаются Его аттрибуты догматистами. Онъ начинаетъ такимъ образомъ:

[1]) Полное заглавіе этого произведенія, которое можетъ дать понятіе о его содержаніи, слѣдующее: Matthaei Hilleri סֵפֶר שְׁמוֹת sive Onomasticum sacrum in duas partes distinctum. In priori nominum propriorum, quae in sacris literis leguntur, origo, analogia et sensus declaratur: in posteriori juxta ordinem literarum digesta nomina explicantur, et hinc, quibus rebus personisve fuerint imposita, significatur. Tubingae. A. MDCCVI, 4°.

[2]) סֵפֶר שְׁמוֹת, стр. 164.

Deus est essentia mera: доказательствомъ этого служатъ два имени: *Адонія* (אֲדֹנִיָּהוּ) и *Илія* (אֵלִיָּהוּ). Адонія (отъ יְהוָה и אָדוֹן) значитъ: Господь есть тотъ, который будетъ, который есть и былъ. *Илія*: Богъ (fortis) есть Іегова или Тотъ, который есть, былъ и будетъ.

Una, unica: simplex, spiritualis: *Ахія* (отъ יָהּ и אַחַד) т. е. единъ есть Іаг (Іегова); Іоахъ (т. е. יְהוָה אֶחָד)—Господь единъ; Ахіямъ (אֲחִיָּם вм. אֲחִיָּהּ)=unice unus, или какъ бы единственный (unissimus) и другъ.

immutabilis: Іуй (יְהִי הוּא:יְהוּא)=пребудетъ (останется) тѣмъ же и пр.

invisibilis: Фелаія (פְּלָאיָה)=сокровенный есть Іегова и пр.

incomprehensa: Михаилъ (מִיכָאֵל)=кто какъ Богъ и т. д. и т. д.

Такимъ образомъ Гиллеръ проходитъ съ собственными именами по всѣмъ категоріямъ тогдашней догматики. И замѣчательно что онъ находитъ въ этихъ именахъ не только ветхозавѣтныя догматическія истины, но и спеціально раскрытыя въ Новомъ Завѣтѣ, напр. ученіе о Св. Троицѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, продолжимъ нѣсколько его объясненіе. Приставляя свое первое догматическое положеніе: Deus est essentia mera къ догматическому ученію о Св. Троицѣ, онъ ставитъ такія положенія:

(Deus est essentia mera) subsistens in pluribus nempe tribus personis: Іеуилъ (יְעוּאֵל), Регуилъ (רְעוּאֵל), Дегуилъ (דְּעוּאֵל) и Хаммуилъ (חַמּוּאֵל) [1]).

quae (personae) sunt-Pater gignens: Іоавъ (יוֹאָב) т. е. Господь есть отецъ; Авія (אֲבִיָּה)=отецъ есть Іегова; Авіелъ (אֲבִיאֵל) = отецъ есть Богъ и пр.

Filius ex Patris essentia genitus: Ахилудъ (אֲחִילוּד)= одинъ рожденный, или единородный отца и др.

Spiritus sanctus, qui locutus est per Mosen et prophetas: Амарія (אֲמַרְיָה) т. е. сказалъ Іегова; Имріелъ (אִמְרִיאֵל) слово Божіе (dictum Dei) и др.

[1]) Въ этихъ именахъ множественное число глаголовъ связано съ единственными числами существительныхъ.

celebrandus (Іегаллелелъ יְהַלְלְאֵל) ex opere: 1 creationis (котораго должно прославлять изъ дѣла творенія: Бераія, בְּרָאיָה) et providentiae (и провидѣнія: Реаія, רְאָיָה) 2—redemtionis (искупленія: Іисусъ, יְהוֹשֻׁעַ) et sanctificationis (и освященія: Шеханія, שְׁכַנְיָהוּ) [1]) и т. д.

Подобное объясненіе собственныхъ именъ еврейскаго народа въ настоящее время можетъ показаться довольно страннымъ. Но тѣмъ не менѣе все таки нельзя отказать въ справедливости по крайней мѣрѣ той основной мысли, изъ которой выходилъ авторъ въ своемъ объясненіи. Эта основная мысль таже самая, которая служитъ исходнымъ пунктомъ дальнѣйшаго труда; различіе состоитъ только въ точкахъ отправленія отъ этой основной мысли: въ то время, какъ Гиллеръ оцѣнилъ имена только догматически, мы должны смотрѣть на нихъ съ исторической точки зрѣнія. Но попытку Гиллера мы будемъ цѣнить тѣмъ выше, что трудъ его остался почти одинокимъ. Въ 1741 г. явился, правда, новый ономастикъ Ветхаго Завѣта съ именемъ Іоанна Симона [2]). Этотъ трудъ, посвященный авторомъ именамъ извѣстныхъ ученыхъ: Павлу Яблонскому (Jablonski), Франкіусу, Шультену и Георгу Михаэлису, показываетъ, что авторъ его поспѣшилъ воспользоваться тѣми успѣхами, какіе были сдѣланы ко времени его появленія трудами этихъ ученыхъ въ знаніи еврейскаго языка и потому въ грамматическомъ и лексическомъ отношеніи ушелъ впередъ сравнительно съ ономастикомъ Гиллера. Но въ томъ отдѣлѣ, гдѣ говорится объ именахъ, соединенныхъ съ именами Божіими, этотъ трудъ стоитъ далеко позади произведенія Гиллера по богатству мыслей.

---

[1]) סֵפֶר שְׁמוֹת, cap. XVII, стр. 268—271.

[2]) «Ioh. Simonis onomasticum Veteris Testamenti sive tractatus philologicus, quo nomina V. T. propria ad appelativorum analogiam reducta ex originibus et formis suis explicantur cum aliarum gentium nominibus conferuntur, impositionis ratio, quantum fieri potuit, ubique ostenditur, atque adeo linguae originali nova LXX affunditur». Halae Magdeburgicae MDCCXLI годъ. Въ заключеніе прилагаются алфавитные списки собственныхъ именъ на евр. и латинск. языкахъ. Для знакомства съ общимъ воззрѣніемъ книги нужно обратить вниманіе, кромѣ предварительнаго отдѣла, особенно на отд. 10-й, гдѣ говорится объ именахъ θεοφόρα: гл. IV, стр. 484—562.

Кромѣ этихъ двухъ главныхъ произведеній, заслуживаетъ упоминанія еще краткое сочиненіе Фроманна подъ заглавіемъ: „De cultu Deorum ex ὀνοματοθεσία illustri“. Фроманнъ указываетъ множество такихъ „ὀνόματα θεοφόρα (именъ, заключающихъ въ себѣ имена божественныя) у евреевъ, халдеевъ, арамеевъ, финикіянъ, египтянъ, арабовъ, персовъ, эѳіоплянъ, грековъ, римлянъ и нѣмцевъ и производитъ ихъ изъ благочестиваго чувства іудеевъ и суевѣрія язычниковъ, справедливо замѣчая между прочимъ, что высокопарныя имена такого рода, какъ Діогенъ и другія, получили свое происхожденіе отъ вельможъ и князей. Фроманнъ хотѣлъ своимъ собраніемъ такого рода именъ подкрѣпить доказательство „a consensu gentium“ и защитить родъ человѣческій противъ обвиненій его въ атеизмѣ [1]). Послѣ сочиненія Фроманна мы можемъ указать еще нѣсколько произведеній, касающихся нашего предмета и вышедшихъ въ прошломъ столѣтіи, о которыхъ сообщаетъ намъ Nestle, какъ извѣстныхъ и ему только по имени, это: „Dissertatio de omine in nomine“ *Штуссіуса* (1735, Goth.); „Schediasma de nominibus“ *Бегміуса*; сочиненіе *Іоан. Давида Михаэлиса*; „dissertatio de mutatione nominis“ *Монеты*; „de ὀνοματοθεσία infantium“ *Хр. Ганела* [2]). Вмѣстѣ съ этими произведеніями, быть можетъ, существовало еще нѣсколько незначительныхъ изданій въ родѣ напримѣръ: „onomasticum biblicum“ *Мируса* (Leipzig. 1721), которыя прошли совершенно незамѣченными.

Въ настоящее время еврейскія собственныя имена большею частію вводятся въ словари еврейскаго языка (см. словари Гезеніуса, Фюрста и др.). Фюрстъ въ заключеніе своей конкордаціи [3]) представилъ даже „onomasticum sacrum“ подъ 2668 номерами съ переводомъ именъ и присоединеніемъ нѣкоторыхъ параллелей и къ этому прибавилъ еще „Syllabus nominum propriorum Phoenico-Punicorum“. Но тѣмъ не менѣе и въ настоящее время можно указать спеціальные труды. Мы имѣемъ въ виду прежде всего два

---

[1]) Altofrii Noricorum, 1745, 4. Заимств. у Nestle. Die israel. Eigennam. стр. 13-я.

[2]) См. у Nestle: ibidem, стр. 14, примѣч. 1.

[3]) Lipsiae 1840, fol. стр. 1266—1295.

произведенія, появившіяся въ Англіи. Первое изъ нихъ: о ветхозавѣтныхъ собственныхъ именахъ, вышедшее въ 1856 г. и представляющее обстоятельный трудъ, принадлежитъ Reud Alfred'y Iones'y [1]), а второе: краткій алфавитный сборникъ именъ (1859 г.)— одной дамѣ миссъ Вагнеръ [2]). Въ обоихъ этихъ произведеніяхъ оставленъ тотъ же самый пріемъ толкованія именъ, какой былъ и прежде. Кромѣ этихъ трудовъ, въ настоящемъ столѣтіи можно указать еще на различныя изслѣдованія Евальда, Kuenen'a, Нöльдеке и Гейгера. Первый обратилъ вниманіе на собственныя имена евреевъ главнымъ образомъ съ филологической стороны [3]), но тѣмъ не менѣе въ различныхъ мѣстахъ своей исторіи народа израильскаго онъ оцѣниваетъ ихъ и какъ историческіе памятники. Kuenen въ сочиненіи „de godsdienst van Israel" [4]) смотритъ на нихъ точно такъ же. Нöльдеке [5]) и Гейгеръ [6]) касались только отдѣльныхъ классовъ изъ еврейскихъ именъ.

Мы довели литературу нашихъ именъ на западѣ почти до настоящаго времени. Между тѣмъ во всей этой литературѣ мы не нашли ни одного труда, который бы задался спеціальною задачею выяснить историческое значеніе именъ. Всѣ упомянутыя произведенія могутъ представлять изъ себя только подготовительныя работы, или почву для выполненія этой спеціальной задачи. Но въ настоящее время эта почва по отношенію къ данному вопросу не осталась совершенно безъ дѣлателя. Этимъ дѣлателемъ явился Евергардъ Nestle, который, воспользовавшись предъидущими трудами, пополнилъ весьма значительно указанный недостатокъ, такъ что въ лицѣ его, хотя быть можетъ не вполнѣ, но исполнилась на-

---

[1]) The proper names of the old Testament scriptures expounded and illustrated London, Bayster 4°, VI, 382; см. у Nestle: Die Isr. Eigen. стр. 14.

[2]) у Nestle, ibidem.

[3]) Ausfuhrliches Lehrbuch der hebr. Sprache § 271—275 (7 изданіе стр. 660—675; 8-е изд., стр. 667—683).

[4]) Haarlem 1869 г.

[5]) Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft, 1861 г. XV, 806—810: 1 «Simson». II. Eigennamen vom vorbum finitum. III. Gottesnamen in hebr. Eigennamen.

[6]) Въ томъ же журналѣ ч. XVI (1862), 728—732. Der Baal in den Hebr. Eigennamen.

дежда Евальда, высказанная за 30 лѣтъ до произведенія Nestle, что „собственныя имена, какъ источники историческаго познанія, все болѣе и болѣе будутъ пріобрѣтать значенія“.

Сочиненіе Nestle, вышедшее въ свѣтъ въ 1876 году, носитъ заглавіе: „Die israelitischen Eigennamen nach ihrer Religionsgeschichtlichen Bedeutung“ [1]). Какъ показываетъ самое заглавіе сочиненія, авторъ его задался уже спеціальною цѣлію воспользоваться собственными именами еврейскаго народа въ интересѣ изученія религіозно-исторической жизни этого народа. Эта попытка весьма интересна конечно сама по себѣ, безотносительно къ какимъ либо выводамъ, но въ тоже время она имѣетъ очень важное научное достоинство по отношенію къ вопросу о религіи израильтянъ. Истинный взглядъ на эту религію, какъ на явленіе совершенно особенное въ средѣ другихъ религій, *съ самаго начала обособленія* евреевъ,—какъ на религію, имѣющую прежде всего въ своей основѣ единаго, личнаго, живаго Бога, оспаривается въ настоящее время. Въ еврейской религіи, по крайней мѣрѣ въ допророческое время, видятъ тотъ же натурализмъ, какой царилъ и въ язычествѣ. Это мнѣніе еще такъ недавно высказалъ Гольдцигеръ [2]). Собственныя имена служатъ самымъ сильнымъ протестомъ противъ подобныхъ воззрѣній и, что особенно важно, служатъ самымъ неподкупнымъ и менѣе всего поддающимся опроверженію свидѣтельствомъ, потому что они при своемъ появленіи непосредственнѣе всего выражаютъ народныя мысли и чувства и никоимъ образомъ не могутъ быть оторваны отъ дѣйствительно-исторической почвы. Изслѣдованіе Nestle тѣмъ именно и важно въ сужденіи объ израильской религіи, что оно по собственнымъ именамъ слѣдитъ религію евреевъ и приходитъ къ результатамъ въ сущности одинаковымъ съ обыкновеннымъ-истиннымъ взглядомъ на религію израильтянъ, взглядомъ основаннымъ на изученіи св. книгъ Ветхаго Завѣта [3]). Послѣ произведенія Nestle мы можемъ указать

---

[1]) Haarlem, De erven f. Bohn. 1876.

[2]) Die israelitischen Eigennamen... Nestle: Nachtrag, стр. 137.

[3]) Дальнѣйшее изслѣдованіе будетъ изложено главнымъ образомъ подъ руководствомъ труда Nestle. Самая мысль заняться предлагаемымъ изслѣдованіемъ о собственныхъ именахъ была вызвана у насъ его сочиненіемъ. Но съ другой стороны нужно замѣтить, что мы старались пользоваться имъ лишь

еще только на одинъ трудъ въ западной литературѣ, извѣстный намъ только по рецензіи Баудиссина въ Theologische Literaturzeitung, 1881 г. № 1 [1]). Этотъ трудъ принадлежитъ De Iong'у; авторъ его занимается рѣшеніемъ проблемы объ именахъ, сложенныхъ съ ab и ach [2]).

Но до сихъ поръ мы слѣдили только западную литературу. Что касается русской литературы, то она весьма мало имѣла дѣла съ еврейскими именами. Мы можемъ указать не болѣе пяти произведеній, которыя такъ или иначе касаются собственныхъ именъ израильскаго народа. Первое произведеніе, которое мы знаемъ, принадлежитъ Рабиновичу. Оно заглавляется: „о собственныхъ именахъ евреевъ“ [3]). Этотъ трудъ въ формѣ журнальной статьи принадлежитъ перу свѣтскаго писателя и имѣетъ прямое отношеніе къ свѣтской беллетристической литературѣ. Въ началѣ своей статьи авторъ жалуется на употребленіе въ литературѣ, касающейся характеристики евреевъ, небывалыхъ собственныхъ именъ, которыми авторы дарятъ своихъ литературныхъ героевъ. Чтобы дать возможность устранить эту литературную вольность, авторъ и задается цѣлію

настолько, насколько оно шло въ уровень съ собственными нашими воззрѣніями. Поэтому мы позволяли себѣ иное опускать въ немъ, къ другому отнестись критически и наконецъ иное прояснить и дополнить своими собственными соображеніями и соображеніями, заимствованными изъ другихъ пособій.

[1]) De Iong. P. Over de met ab, ach enz zamengestelde Hebreeuwsche eigennamen. Amsterdam. 1880 г.

[2]) Въ дополненіе ко всѣмъ указаннымъ трудамъ, имѣющимъ своимъ предметомъ собственныя имена еврейскаго народа, считаемъ не лишнимъ указать здѣсь и нѣкоторыя произведенія о собственныхъ именахъ у другихъ семитическихъ народовъ, такъ какъ имена ихъ могутъ быть разсматриваемы въ параллель съ еврейскими; такъ Шредера: «Die assyrisch-babylonischen Eigennamen. Zeitschr. d. Deutsch. morg. Gesellschaft XVI» стр. 127—167, 1872 г.; Гаммера: «Die Namen der Araber in den Denkschriften der K. K. Akademie der Wissenschaften zu Wien. 1852, стр. 1—73; Garcin de Tassi: Memoire sur les noms propres et sur les titres musulmans. Journ. Asiat. 5 série T. III. 422—510, 1854 г. О химьяритскихъ и набатейскихъ именахъ писали нѣсколько трактатовъ Озіандеръ и Леви въ Zeitschr. d. Deutsch. Morg. Gesellsch. (особенно томы: X, XIX и XX); о финикійскихъ Леви: Phönicisches wörterbuch, Breslau 1864. Phönicische Studien, тетрадь 2 (1867) и тетрадь 4 (1870): дополненія къ финикійскому словарю.

[3]) Новороссійскій литературный сборникъ. Изд. Богдановича и Георгіевскаго. Одесса, 1859 г., стр. 274—312.

„изложить происхожденіе собственныхъ именъ у евреевъ, ходъ ихъ постепенныхъ измѣненій въ разныхъ странахъ, ихъ первобытное значеніе и виды и наконецъ дать рядъ именъ употребляемыхъ евреями въ Россіи и Польшѣ. Обходя имена чисто еврейскаго происхожденія, выполненіе своей задачи авторъ начинаетъ съ эпохи персидской имперіи (536—432 до Р. Х.), когда на собственныхъ именахъ народа начало отражаться иноземное вліяніе прежде всего персидское и халдейское. Затѣмъ проводитъ эти имена чрезъ періоды греческаго и римскаго владычества, когда начали входить въ еврейскія семейства греческія (Александръ и др.) и римскія имена (Агриппа, Антоній, Касторъ и др.) и т. д. и т. д. Въ концѣ своего изслѣдованія онъ приходитъ къ такимъ результатамъ, что со времени персидской эпохи до нашего времени у евреевъ были въ употребленіи имена: еврейскія, халдейскія, арабскія, персидскія и европейскія и между послѣдними даже славянскія, что подтвердилъ и Гаркави [1]).

Трудъ Рабиновича для насъ имѣетъ то значеніе, что онъ указываетъ намъ предѣлъ, за которымъ собственныя имена народа еврейскаго начинаютъ терять свой національный характеръ и слѣдовательно не могутъ быть болѣе разсматриваемы, какъ памятники національной еврейской жизни.

Въ 1871 г. явился второй трудъ, въ который вошло нѣсколько еврейскихъ собственныхъ именъ: „Библейскій словарь“ А. Т. Верховскаго, доведенный только до буквы К. По отношенію къ еврейскимъ собственнымъ именамъ авторъ ограничивается только переводомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ на русскій языкъ; главная же цѣль автора, лежащая въ основѣ труда: дать историческія свѣденія о самыхъ носителяхъ извѣстныхъ именъ, далѣе событіяхъ, мѣстностяхъ и т. д. Въ 1872 были сдѣланы нѣкоторыя замѣчанія о собственныхъ именахъ въ очень серьезномъ трудѣ Г. С. Саблукова: „Сличеніе мохаммеданскаго ученія о именахъ Божіихъ съ христіанскимъ о нихъ ученіемъ“. Здѣсь мы находимъ новое

[1]) Труды восточнаго отдѣленія Императ. археол. общества, часть 14-я, Спб. 1869 г.: объ языкѣ евреевъ въ древней Руси и о славянскихъ словахъ у евр. писателей, стр. 113—114.

подтвержденіе той мысли, что многія изъ собственныхъ именъ евреи соединяли съ именами Божіими. Въ доказательство этой мысли авторъ представляетъ и нѣкоторые примѣры (стр. 178). По примѣру Библейскаго словаря А. Т. Верховскаго съ 1874 г. въ журналѣ: „Воскресное чтеніе“ началъ печататься новый „Библейскій популярный словарь“ съ такимъ же точно историческимъ характеромъ, только въ предѣлахъ болѣе ограниченной программы. Наконецъ, въ 1879 году вышелъ спеціальный трудъ: „Опытъ библейскаго словаря собственныхъ именъ“ о. протоіерея П. Солярскаго. Чтобы охарактеризовать его, мы воспользуемся словами самаго автора. Свою задачу онъ ставитъ въ слѣдующемъ: 1) представить всѣ собственныя имена, встрѣчающіяся въ Библіи съ разными чтеніями ихъ на другихъ древнихъ языкахъ; 2) указать по возможности всѣ мѣста св. Писанія, гдѣ они встрѣчаются; 3) показать значеніе и объясненіе еврейскихъ собственныхъ именъ на русскомъ языкѣ, принимая въ соображеніе коренное ихъ значеніе и употребленіе въ разныхъ мѣстахъ Писанія и 4) наконецъ, о каждомъ имени присоединить необходимыя общія понятія и добытыя свѣденія“. Останавливаться на этомъ трудѣ долѣе мы не имѣемъ никакой нужды. Указаніемъ на этотъ послѣдній трудъ мы закончимъ обозрѣніе литературы нашихъ именъ, такъ какъ болѣе намъ неизвѣстно ни одного сочиненія по этому предмету. Теченіе мыслей и самаго дѣла естественнымъ образомъ ставятъ далѣе требованіе—открыть входъ въ самое изслѣдованіе поставленной задачи. Но прежде чѣмъ повиноваться этому требованію, мы должны, какъ намъ кажется, остановиться еще на одномъ вопросѣ, который не можетъ быть опущенъ нами и по требованію самой темы, именно: какимъ образомъ евреи образовывали свои собственныя имена, имѣя въ виду ихъ формальную сторону? другими словами, мы должны очертить внѣшнія фигуры нашихъ именъ. Всякій предметъ является наблюдателю первоначально своею внѣшнею стороною. Ознакомившись съ этой стороною. наблюдатель можетъ смѣлѣе и легче войти и во внутренній анализъ содержанія наблюдаемаго предмета. Такая постепенность, кажется, особенно приложима къ изученію разсматриваемыхъ собственныхъ именъ, потому что болѣе или менѣе пра-

вильный смыслъ ихъ можетъ опредѣлиться только тогда, когда мы знакомы, хотя въ основныхъ чертахъ, съ законами и правилами ихъ образованія.

Еврейскія личныя имена легко распадаются на два большія класса, изъ которыхъ каждый также легко распадается на два подраздѣленія. Первый классъ обнимаетъ простыя имена, второй сложныя. Простыя имена составляютъ или чистыя существительныя, прилагательныя и глагольныя формы, или имена производныя отъ нихъ. Существительныя и прилагательныя формы не требуютъ для себя никакихъ замѣчаній. Что же касается глагольныхъ формъ, то подъ ними мы не разумѣемъ такъ называемыхъ причастій, какъ напримѣръ שָׁאוּל (Саулъ), דָּן (Данъ), מְנַחֵם (Менаимъ), מְשֻׁלָּם (Мешулламъ), и т. д.; у семитовъ послѣднія формы принимаются просто или за прилагательныя или даже, лучше сказать, за существительныя. Имена, какъ глагольныя формы, это суть имена — или съ преформативомъ — י (іодъ), какъ напримѣръ: יִבְחָר (Ивхаръ), יִבְשָׁם (Ивсамъ), יִגְאָל (Игеалъ), יַעֲקֹב (Іаковъ) и др. или начинающіяся съ буквы ת (тавъ), наприм. תִּפְסַח (Тіфсахъ), תִּמְנַע (Θимна), תִּרְצָה (Θирца) и т. под. [1]).

Къ производнымъ формамъ принадлежатъ многія съ окончаніями: ־י, ־ִי, ־ֵי, ־ִין, ־ָן, ־ֶם, ־ִם, ־ָה и т. д. Сложныя имена, составляющія второй классъ, гораздо многочисленнѣе. Они, какъ и первыя, также дѣлятся на двѣ группы. Это дѣленіе зависитъ здѣсь отъ природы соединяемыхъ членовъ. Одну форму сложныхъ именъ, которую назовемъ пожалуй первою, составляетъ такое отношеніе двухъ составныхъ частей имени, когда эти части соединяются такимъ образомъ, что вторая, вслѣдствіе тѣснаго сліянія съ первой или подчиненія ей, составляетъ съ нею одно слово и одно поня-

[1]) Sprachlehre § 126, 272, 1 Евальда. Іоаннъ Симонъ въ своемъ onomasticum Veteris Testamentis указываетъ нѣсколько такихъ именъ, начинающихся съ י или ת (см. 419 стр.). Онъ, Нёльдеке (Zeitschr. d. D. M. Gesell. XV, 807) и Озіандеръ (ibid. XX, 221) разсматриваютъ эти имена, какъ формы imperfect'a отъ «verbum finitum». Ернестъ Мейеръ (ibid. XVII, 642, прим. 1), напротивъ, въ этомъ י видитъ первоначальное относительное мѣстоименіе, которое еще въ эѳіопскомъ звучитъ ia, уа. Но большинство склоняется къ первому объясненію.

тіе. Такое отношеніе обозначается терминомъ status constructus. Для этого рода сочетаній имѣютъ значеніе тѣже общія правила, какія существуютъ вообще для подчиненія и прежде всего: первымъ членомъ можетъ быть только имя (въ самомъ обширномъ смыслѣ). Къ этому классу принадлежитъ самое большее число именъ, образованныхъ съ Аби, Ахи, Иш, Хамму и т. д.

Второе возможное соединеніе въ сложныхъ именахъ—это соединеніе, состоящее изъ субъекта и предиката [1]). Субъектомъ и предикатомъ здѣсь можетъ быть все, что является въ такихъ формахъ въ образованіи предложеній: существительное, прилагательное, глаголъ и мѣстоименіе. Взаимное положеніе этихъ формъ въ именахъ не опредѣляется никакими опредѣленными правилами, а зависитъ отъ произвола нарекающихъ имя. Въ доказательство этого можно указать нѣсколько именъ совершенно одинаковыхъ по значенію и своимъ членамъ, но съ различнымъ положеніемъ этихъ членовъ, напримѣръ:

אֶלְזָבָד (Елзавадъ). זַבְדִיאֵל (Завдіилъ),
אֶלְחָנָן (Елхананъ). חֲנַנְאֵל (Ананеилъ),
אֶלִיאָב (Еліавъ); אֲבִיאֵל (Авіилъ),
אֶלְיָדָע (Еліада), יְדִיעֲאֵל (Іедаилъ),
יוֹאָחָז (Іоахазъ) (יְהוֹאָחָז) (1) אֲחַזְיָה (Охозія),
יוֹזָבָד (Іозавадъ) (יְהוֹזָבָד) (2) זְבַדְיָה (Зевадія),
יוֹזָכָר (Іозакаръ) (3) זְכַרְיָה (Захарія),
יוֹחָנָן (Іохананъ) (יְהוֹחָנָן) (4) חֲנַנְיָה (Ананія)

и многія другія.

Что при такомъ сочетаніи коренныя формы и здѣсь и тамъ терпятъ перемѣну, это объясняется просто тѣсною связью, въ какую двѣ части вступаютъ между собою. Если масореты пунктируютъ נְתַנְאֵל, то נתן здѣсь perfect; въ בְּעַלְיָדָע также בעל не status constructus, а status absolutus, какъ и наоборотъ: въ אֶלְנָתָן второе слово, не смотря на долготу послѣдняго слога все-таки остается perfect'омъ. Теперь, что касается содержанія такимъ способомъ образованныхъ именъ, то въ составѣ ихъ входятъ большею частію Божественныя имена, которыя являются то первымъ, то вторымъ членомъ; вторая

[1]) Такое имя арабскіе грамматики называютъ *иснадійюн* предикативнымъ.

составная часть можетъ быть или именемъ, или глаголомъ. Введеніе именъ Божіихъ въ собственныя имена и весьма частую перестановку ихъ въ этихъ послѣднихъ можно прослѣдить по всѣмъ сѣверо-семитическимъ языкамъ. Ближайшую параллель съ еврейскимъ въ этомъ случаѣ представляетъ финикійскій языкъ. Въ еврейскомъ въ одно и тоже время мы встрѣчаемъ: Елицуръ и Цурішлъ, Аміелъ и Еліамъ, Іедіаилъ и Еліада; въ финикійскомъ также стоятъ рядомъ другъ съ другомъ: צרית и יתנצר, בעלעור и עזרבעל и др. Съ еврейскими именами Іосафатъ и Сафатія совершенно параллельны финикійскія—Ваалсафатъ и Сафатваалъ, также съ Іорамъ и Ремаія Ваалрамъ и Рамваалъ [1]). Не рѣдко можно встрѣтиться и съ такимъ явленіемъ, что въ одномъ языкѣ, наприм. въ финикійскомъ встрѣчается только одно расположеніе словъ, между тѣмъ какъ другой языкъ, напримѣръ еврейскій, употребляетъ противоположное расположеніе или и то и другое вмѣстѣ. При этомъ нужно замѣтить, что въ позднѣйшее время, вслѣдствіе естественной потребности имѣть возможно краткія имена, изъ сложныхъ именъ начали образовывать снова простыя, только чрезъ опущеніе одного члена. Этимъ объясняется, напримѣръ, появленіе именъ: עֵבֶר (Еведъ), נָתָן (Натанъ), גִּדֵּל (Гидделъ), חָנָן (Хананъ) и многихъ другихъ. То чего не достаетъ въ этихъ именахъ, весьма ясно подразумѣвается само собою [2]).

Эти замѣчанія не только важны для насъ въ томъ отношеніи, что они знакомятъ насъ съ внѣшнимъ составомъ собственныхъ именъ и такимъ образомъ облегчаютъ анализъ ихъ содержанія, но и потому, что они открываютъ намъ входъ и въ дальнѣйшее изслѣдованіе. Въ чемъ же состоитъ задача этого изслѣдованія? Мы не

---

[1]) Die israel. Eigennamen... Nestle, стр. 21-я. См. прибавленіе 1-е.

[2]) Примѣчаніе. Здѣсь мы указали способъ образованія собственныхъ именъ только у евреевъ. Тотъ же самый способъ существовалъ и у всѣхъ хананейскихъ народовъ, а также у арамеевъ и, что можетъ показаться еще удивительнѣе, даже у химьяритовъ или лучше сабейцевъ и набатейцевъ; собственныя имена всѣхъ этихъ народовъ отличаются отъ еврейскихъ только корнями, которыя являются въ именахъ, т. е. особенностями языковъ, свойственныхъ той или другой народности, и именами Божіими, входящими въ составъ личныхъ, хотя эти имена въ нѣкоторыхъ случаяхъ у евреевъ и послѣднихъ народовъ встрѣчаются одни и тѣ же.

имѣемъ въ виду дѣлать филологическаго и лексическаго анализа собственныхъ именъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ оставляемъ и то, что они говорятъ намъ объ исторіи культуры и другихъ сторонахъ жизни еврейскаго народа, кромѣ религіозной стороны. Мы останавливаемъ свое вниманіе именно на этой послѣдней сторонѣ народной жизни, которой собственно и знаменитъ народъ еврейскій и которая болѣе всего и обращаетъ къ себѣ взоры изслѣдователей вслѣдствіе своего всемірнаго значенія. Изъ описанія сложныхъ именъ мы видѣли, что въ составъ ихъ входятъ большею частію имена Божіи. Къ этому мы должны прибавить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, хотя эти послѣднія и не выступаютъ прямо, тѣмъ не менѣе личныя имена носятъ религіозную окраску. Вообще собственныя имена съ религіознымъ значеніемъ составляютъ большій процентъ сравнительно со всѣми другими именами у евреевъ. Служа выраженіемъ общаго религіознаго настроенія, они въ тоже время являются носителями именно той вѣры, которая шла рука объ руку съ исторіей этого народа. Слѣдить за этими именами по пути израильской исторіи и будетъ составлять предметъ дальнѣйшаго изслѣдованія. При этомъ главною и конечною цѣлію этого изслѣдованія уже по самому его существу служитъ вопросъ: что говорятъ намъ собственныя имена народа израильскаго объ исторіи его религіи? Самый путь или методъ, которому мы должны слѣдовать въ рѣшеніи этого вопроса, едва-ли можетъ возбуждать какія-либо недоумѣнія. Какъ самый вопросъ стоитъ на исторической почвѣ, такъ очевидно и его рѣшеніе должно идти путемъ историческимъ. Но при этомъ мы считаемъ необходимымъ намѣтить и болѣе частные пункты въ его рѣшеніи. Сообразно съ свойствомъ самаго матеріала и вмѣстѣ съ тѣмъ нисколько не противорѣча дѣйствительному ходу исторіи, мы можемъ раздѣлить только что поставленный вопросъ на слѣдующіе два вопроса: 1) Какія божественныя имена употреблялись израильтянами въ различные періоды ихъ исторіи для образованія ихъ собственныхъ именъ? и 2) Какое понятіе даютъ собственныя имена соединенныя съ божественными о религіозныхъ представленіяхъ еврейскаго народа?

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии

www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки